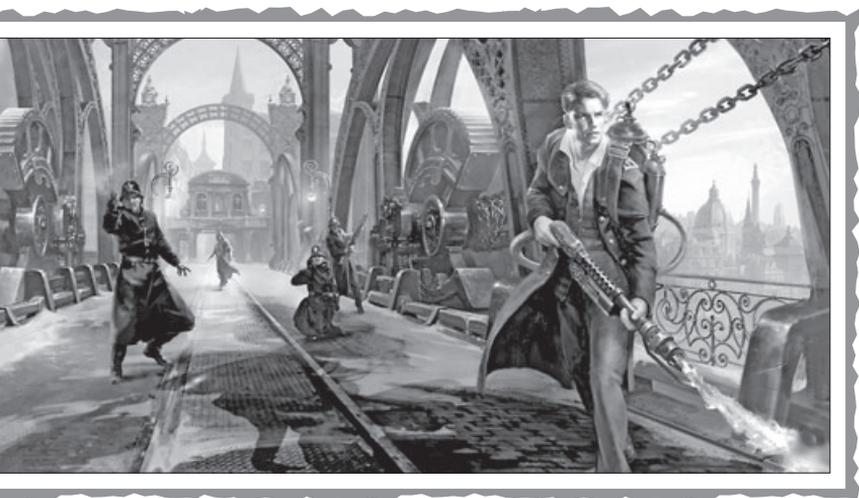

АЛЕКСЕЙ ЦЕХОВ

Созерцатель

Москва, 2019

АЛЕКСЕЙ ЦЕХОВ

- Созерцатель •
- Тень ингениума •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 2005 году
Выпуск 168

Художники
М. Поповский, В. Бондарь

Пехов А. Ю.

П23   Созерцатель: Созерцатель; Тень ингениума. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 555 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2858-8

Риерта — город среди воды, сотканный из серебряных нитей дождя, пленны тумана, чугунной безнадеги и несбывшихся надежд. Родина нового индустриального бога — мотории, подмявшего под себя пар и уголь. Мотория принесла прогресс в каждый дом, а вместе с ним боль, смерть и страх перед теми, кто скрываются в развалинах затопленных улиц и уже давно перестали быть людьми.

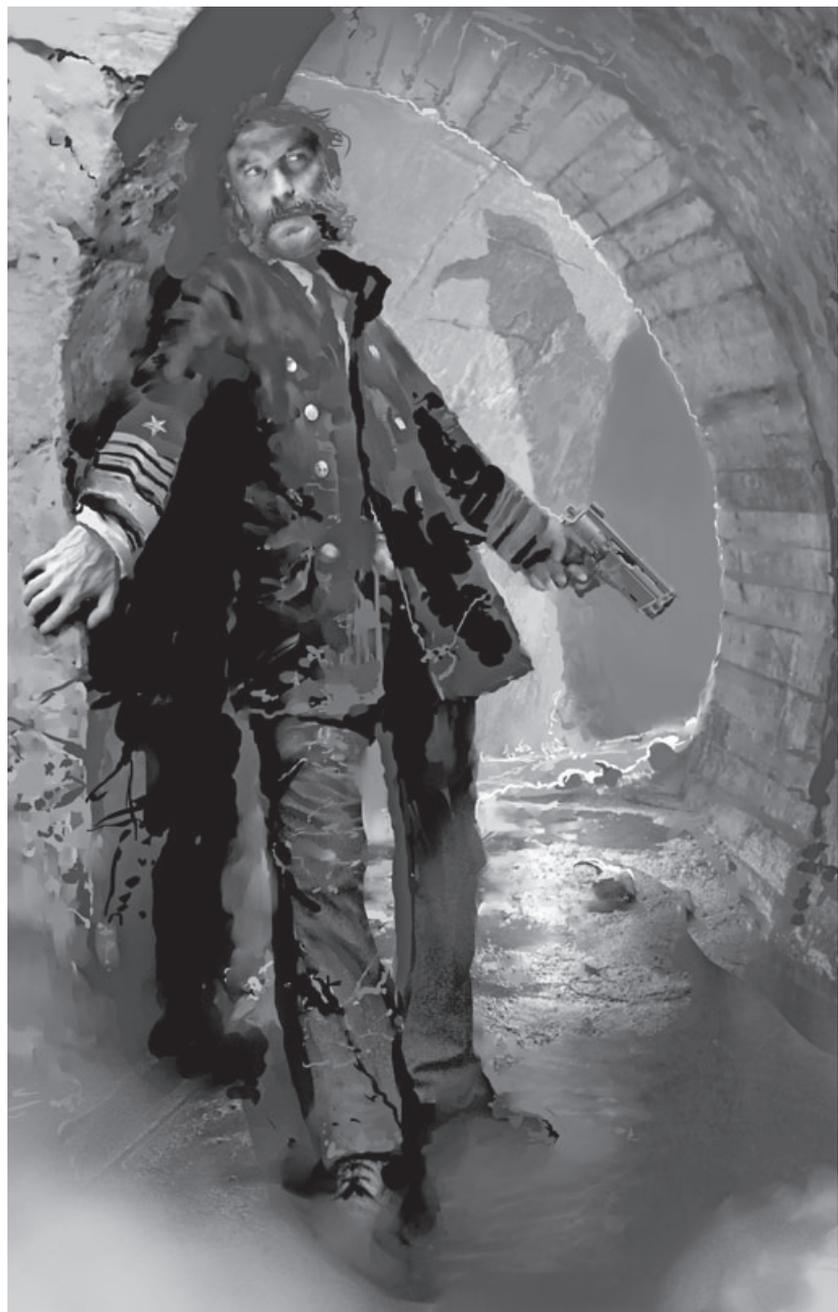
Риерта недружелюбна к чужакам, и Итан Шелби, приехавший сюда, сам того не желая, ввязался в историю, сплетенную из мрачных тайн прошлого.
Дилогия представляет новый взгляд на жанры стимпанк и дизельпанк.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2858-8

• Созерцатель •

Пусть мы не яростные львы, но и не скот в хлеву.
Мы жить — хотим, но не должны жизнь ставить во главу.
А что пороков не чужды, с чего тут ждать иных.
Мужское братство — на плацу не делает святых!¹
Редьярд Киплинг

If you're going through hell, keep going.
*Sir Winston Leonard Spencer Churchill*²

ПРОЛОГ

Привалившись к влажной, вонючей стене, Джим Пендантон без всяких эмоций произнес:

— Проваливай, Вилли.

Невыносимо болела правая рука, и он чувствовал, как кровь пропитывает рукав перепачканного мундира. Его друг, такой же старый вояка, не стал тратить время на споры, и Пендантон был благодарен ему за это. Оба знали, что один из них должен остаться. Кривой жребий на этот раз выпал тому, кто оказался ранен.

— Хорошо, Джим. Держи. Тебе это понадобится больше, чем мне. — Невысокий полковник отстегнул крепежи на правой руке, снял стальные пластины, протянул боевому товарищу тяжеленный шестиствольный флотский револьвер «Крушитель» и сумку с патронами.

— Уведите их и спрячьте хорошенько. Они не должны ему достаться. Сделаешь?

— Конечно. Мы еще поборемся.

— Все. Проваливай.

Им обоим было понятно, что произойдет дальше. Говорить еще что-то не имело смысла. Веллтон молча развернулся и побежал вдоль воды по узкой дорожке древнего подземного коллектора, догоняя остальных заговорщиков.

Пендантон тем временем с трудом установил на левой руке крепежи компенсаторной системы, защелкнул карабины, чувствуя, как стальная пластина врезается в спину, становясь с оружием единым целым. «Крушитель» слишком мощен, чтобы из него можно было стрелять без особых приспособлений. Отдача попросту сломала бы запястье.

¹ Перевод Елены Бычковой. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Если вы идете через ад — не останавливайтесь. *Сэр Уинстон Леонард Спенсер Черчилль*

Он по старой привычке нажал на «собачку», откидывая стволы, и убедился, что в каждом из шести лежит золотистый пятидюймовый патрон.

От потери крови немного кружилась голова, и адмирал на несколько мгновений закрыл глаза, собираясь для последнего боя. За пятьдесят шесть лет своей жизни Джим Пендантон давно разучился бояться смерти. Но никогда не думал, что его путь закончится в канализации, в полумраке, рядом со смердящей водой, совсем недалеко от дворца того, кого он должен был защищать.

И не сумел.

Его угнетал высокий сводчатый потолок красной кирпичной кладки, забранные ржавыми решетками сливы, затхлые сквозняки, крысы и то, что могло скрываться во мраке древней части города. Но сейчас главным было совсем иное — будущее. А дабы оно стало реальностью, ему придется остаться и дать возможность товарищам уйти как можно дальше, затеряться в запутанном лабиринте.

Пендантон собирался дорого продать свою продырявленную шкуру. У него была отличная позиция для стрельбы: здесь коллектор расширялся и соединялся с более узкой частью, отчего получался выступ — как раз такой, за которым может укрыться человек, а опытный стрелок получит серьезное преимущество.

Идеальная позиция. Последний привет от его ускользающей фортуны. Вентиляционный люк на потолке, висящий как раз над поворотом, из-за которого должны были показаться преследователи, давал достаточно света для того, чтобы ни одна пуля не прошла мимо.

Наконец он услышал их — топот сапог, клацанье когтей. Первые из-за поворота вылетели псы. Гладкие, коричневые, похожие на торпеды. Они чуяли его, знали, где он прячется, и были созданы лишь для того, чтобы хватать и рвать.

Пендантон помнил тот день, когда эта порода была завезена в Ригерту. Он сам распорядился купить у искриров редких щенков императорской породы и оплатил найм инструкторов для тренировки и воспитания. Лучшие собаки, обученные не только убивать, но и находить взрывчатку и тех, кто недавно использовал ингениум¹. Теперь же ему приходилось уничтожать реализацию собственных идей.

Он открыл огонь, когда с первым псом их разделяло всего четыре шага, а из-за поворота появились бегущие люди.

В подземелье грохот «Крушителя» был подобен залпу носового орудия броненосца. Ослепительная вспышка на мгновение уничтожила все тени, а пролетевшая по коллектору пуля, оставив после себя ярко-голубой росчерк с видимыми завихрениями в воздухе, врезалась в пса и взорвалась. Во все стороны брызнули ошметки плоти.

¹ Буквально: способности.

Несмотря на специальный механизм, отдача больно ударила в плечо, но Пендантон снова взвел курок, барабан крутанулся, сменяя пустой ствол на заряженный. Вторая пуля убила оставшегося пса. Третья голубой стрелой попала в человека, облаченного в начищенную кирасу гвардии, оторвав тому верхнюю половину туловища.

Джиму было не важно, с какой руки стрелять, и прежде, чем враги успели отступить, ему удалось ранить еще одного. И лишившийся ноги солдат свалился в воду коллектора.

Выжил тот или нет, Пендантону было все равно. Он укрылся за выступом стены, и тут же залязгали выстрелы револьверов.

Легкие пули не могли пробить толстую стену, и опасаться можно было только случайных рикошетов.

Адмирал высунулся лишь на мгновение. «Крушитель» снова рывкнул, разорвав кого-то из солдат надвое. Остальные бросились прочь, спрятались за углом.

Бывший начальник службы охраны дукса раскрыл пистолет и заменил пять все еще горячих латунных гильз новыми патронами. В сумке оставалась еще половина коробки¹. Хватит для того, чтобы устроить себе веселые проводы.

Боль в руке снова дала о себе знать. Перед глазами закружилось, мягкие ладони надавили на уши, но адмирал справился с собой, ощущая во рту противный металлический привкус.

Он слышал, как люди поминают дьявола, как шелкают открывающиеся барабаны и гильзы со звоном сыплются под ноги его преследователям. Не только ему требовалась передышка. Трое из них мертвы, и остальные не слишком-то желают соревноваться в скорости с «Крушителем» и полагаться на Создателя. Бог в этой зловонной дыре отсутствовал, и сейчас его заместителями являлись Джим Пендантон и его пистолет. Во всяком случае, до тех пор, пока не подоспеют плакальщики.

Их задержку можно объяснить только тем, что заговорщики все провернули внезапно и Мергену пришлось действовать на ходу, затыкая брешь теми, кто попался под руку. По следу Джима отправили гвардейцев. Чтобы задержать бунтовщиков до прихода основных сил. Но тем удалось вырваться, пускай и с потерями.

— Эй! Ты! — крикнули ему, но предусмотрительно не высываясь из-за угла. — Лучше сдавайся! Мерген гарантирует тебе честный суд!

Адмирал не ответил. Быть может, шесть месяцев назад он был более наивным, но теперь не клюнул бы на такую ерунду. Все суды у Мергена в кармане. И сделают то, что он им скажет. В лучшем случае Пендантона утопят, как изменника. В худшем — сбросят в кварталы Старой Академии, на корм контаги.

¹ В стандартной коробке «Крушителя» десять патронов.

Ни одна из подобных смертей его не привлекала. Захлебнуться цветущей водой Совино канала или быть разорванным голодными нелюдями? Ну уж нет. Если ему и предстоит попасть в ад, то пусть это произойдет здесь и сейчас.

Они что-то горячо обсуждали, а потом замолкли. И Джим понял почему. Прищурившись, стал смотреть на воду. Темную, неспешную, сонную. Пендантон напрягся, ощущая теперь не только как кровь течет по руке, но и как капли пота сползают по спине.

Начальник охраны не знал, сколько плакальчиков пришло за ним. Смотрел во все глаза и только поэтому заметил мимолетное дрожание воздуха в отражении канала. Он тут же выстрелил, пытается предугадать направление движения. Раз. Второй. Третий.

Адмирал забыл про боль в правой руке, взводя курок со всей возможной скоростью, и последняя попытка увенчалась успехом. Сверкнуло, точно магний алхимиков загорелся ослепительно-белым пламенем, из воздуха появился человек, с громким всплеском упавший в воду.

Больше выстрелить Джим не успел. «Крушитель» вырвался из его руки, ломая пальцы, и улетел в сторону. Горло сдавили стальные тиски, голова ударилась о камень, все закружилось, и он на мгновение потерял сознание.

Когда Пендантон пришел в себя, левая рука была сломана в двух местах, правое запястье раздроблено. Он едва сдержался, чтобы вновь не провалиться во мрак. Посмотрел с ненавистью на человека, чье колено упиралось ему в грудь, прижимая к холодным камням.

На враге была полумаска в виде короткого стального клюва, закрывающая верхнюю половину лица, на голову накинута широкий капюшон маскировочного плаща. Пендантон видел лишь глаза плакальщика — ярко-коралловые, похожие на птичьи, с точечками черных зрачков размером с булавочную головку. Они, как и всегда, выглядели странно и пугающе.

Второй плакальщик, мокрый, с развороченным пулей плечом и висящей на лоскуте плоти искалеченной рукой, пошатываясь, выбрался из зловонного канала, встал рядом. Его словно бы и не заботила страшная рана. Кровь из нее почти не текла.

— Глупо, адмирал. Неужели вы рассчитывали на успех? — Голос звучал глухо. В нем не слышалось ни радости или торжества, ни боли. Одно лишь безразличие.

Тот, кто прижимал его к земле, встал и, ничего не говоря, поспешил во мрак, туда, где скрылись остальные беглецы, на ходу извлекая из-под плаща клинок. Замерцал и исчез.

— Мы уже победили. Разве не видишь? — сказал Джим.

— Ты старый дурак.

— Я предпочитаю слово «патриот».

— Мы найдем их.

Подожли гвардейцы, в нерешительности остановились. Плакальщик глянул на них:

— Один из вас должен вернуться. Нужны еще собаки, и пусть два катера перекроют Змеиный канал¹, если преступники вздумают бежать по воде. Остальные — вперед.

— А с ним что? — спросил усатый сержант, хорошо помнящий Пендантона по службе во дворце. — Ему нужен врач. Иначе он не дотянет до суда.

Мужчина в маске извлек кривой нож и, склонившись, перерезал адмиралу горло. Он ощущал разочарование из-за своей раны и того, что его плащ оказался уничтожен.

— Я сам вершу суд, — выпрямляясь, сказал он потрясенным людям. — Поторопитесь. Больше просить не буду.

Через минуту рядом с телом не осталось никого, кроме крыс.

Глава первая СПЕЦИАЛИСТ ПО ПОИСКУ ЛЮДЕЙ

Ненавижу дождь.

Ненавижу так, как может не любить лишь человек, который смотрит на воду точно свинья, глядящая на мясника.

Не подумайте, что я ною. Просто в такие дни ничего не клеится. Я предпочитаю пореже выходить на улицу и, уподобившись медведю, торчать в берлоге.

Моей маленькой квартирке на Джордж-стрит великолепно подходит подобное определение. Я нахожу ее уютной, хотя те редкие гости, что здесь появляются время от времени, лишь корчат скорбные рожи да вздыхают, словно на похоронах любимого дядюшки. Особо близкие знакомые конечно же говорят нечто вроде:

— Создатель тебя направь, Итан. Какого черта ты все еще живешь в этой дыре?

Они не верят, что мне здесь нравится. Как вообще приличного человека может привлекать район Сэфо?! Я же — обожаю эту часть города. Хотя бы потому, что отсюда далеко до реки и ее туманов, утром на улице пахнет выпечкой и корицей из южных колоний, а паб, который держит Уолли, мой бывший сослуживец, под потолок забит отличными айлэндами².

¹ З м е и н ы й к а н а л — широкая река, отделяющая Гороховый Суп от районов Прыщи, Верхний и Гетто.

² А й л э н д — островной виски северных областей Королевства. Обычно характеризуется чуть сладковатым вкусом с яркими дымными нотами и ароматом морской соли.

Дождь взял меня в осаду, и, когда надоедало торчать дома, я спустился по лестнице на первый этаж, в контору, которую арендовал у владельца здания.

Здесь, в отличие от моей спальни, не властвовал полумрак, а по углам не валялось барахло. Я старался не отпугивать потенциальных клиентов раньше времени. Впрочем, в последние месяцы дела шли не то чтобы очень, так что пугать особо было некого.

Я часами торчал в глубоком кресле, рисуя на бумаге идиотские рожицы искриков, придумывая им имена.

Инь-ка-рю. Линь-унь-пу. Один хрен. Все равно я не прилагал усилий, чтобы их запомнить.

Какое-то количество лет назад я думал, что ненавижу их куда сильнее, чем воду. Но после той войны, когда мы, молодые парни, поняли, почему фунт табака, прошло больше десяти лет, и кое-что начинало смазываться, уходить, возвращаясь ко мне лишь в воспоминаниях. А вот дождь... в это время года он казался вечным и неизблемым, как власть премьер-министра. Мне оставалось с отвращением смотреть на мокрое стекло, по которому стекали частые капли.

Иногда я подходил к книжному шкафу и брал какой-нибудь том. Сегодня же мне позарез хотелось почитать газету, но, когда такая непогода, почтальон не особо чесался и доставлял прессу только после полудня, глядя на меня точно намоченный бассет, которого хозяин пинком выгнал из дома.

В общем, я маялся и валял дурака, изрисовывая листы узкоглазыми рожами до тех пор, пока не прозвенел дверной звонок. Можно было гордиться собой, я даже не шевельнулся. Доделал каску, наложил на нее тень, затем поставил в центре жирную кляксу, отмечая место, куда попала пуля.

К черту печальные взгляды почтальона. Сегодня мне не хватит совести даже на самого себя, не говоря уже о парне, выполняющем свою работу.

Когда напольные часы начали бить, я отложил перьевую ручку, встал, потянулся и открыл дверь конторы. В нее было вставлено матовое стекло, на котором я три года назад вывел с помощью трафарета: «Итан Шелби. Специалист по поиску людей».

По мне, получилось очень даже недурно. Я использовал тот же шрифт, которым когда-то расписал мою малышку «Матильду», многоточное чудовище, даже лишенное хода доставившее массу неприятностей искрикам и приютившее в своем чреве разношерстную компанию неплохих парней.

Некоторые отмечали, что я занялся не тем делом. Мол, после того как война закончилась, мне стоило идти в художники, а не в полицейские. Дьявол его знает, как было бы лучше. Теперь-то уж точно поздно жалеть.

Я прошел по темному коридору в парадную и кивнул Джейкобу, вечно сонному консьержу в мятном с ванилью мундире.

Я сказал — в мятном с ванилью?

Да. Со мной такое случается. Иногда в голове полный бардак, и в такие моменты цвета я воспринимаю как вкусы, а вкусы — как цвета. Но если приложить некоторое умственное усилие, дать себе задание думать правильно, то мундир был все же выцветшего зеленого оттенка с кремовыми вставками.

— Привет, Джейкоб. Как жизнь?

— Паршиво, мистер Шелби. — Он сделал попытку приложить руку к козырьку линиялой фуражки того же мятно-ванильного вкуса, но рука поднялась всего лишь на пару дюймов и вновь оказалась рядом с чашкой теплого чая. — Думаю, я все же подхватил простуду. Нет клиентов?

— Не сыпь мне соль на раны, старина. В такой дождь, даже если пропадет любимый племянник, в первую очередь подумают о зонтике, а не обо мне.

Он сочувственно вздохнул, следя за тем, как я достал из почтового ящика корреспонденцию.

— В наше время на пенсию ветерана не слишком пошикуешь.

Это точно. Даже если Министерство обороны говорит газетчикам обратное.

В этот день кроме свежего выпуска «Зеркал правды» мне пришли еще и конверты с пометкой «Последнее предупреждение».

От взгляда Джейкоба, каким бы сонным он ни казался, подобное утаить было попросту невозможно, и тот вновь вздохнул, сочувственно сказав:

— Надеюсь, вы разрешите противоречия с мистером Тулли, мистер Шелби.

— Это не от него, — рассеянно произнес я, кинув счета в мусорную корзину рядом со стойкой консьержа. — С хозяином дома я расплачиваюсь честь по чести.

— Приятно слышать, сэр. Очень бы не хотелось, чтобы мы лишились такого замечательного человека.

В последние два месяца у меня были некоторые затруднения с финансами, и у моторической компании, телефонной станции, а также городских коммунальных служб кончалось терпение.

Ребята они все нервные и терпеть не могут, если на их счета перестают приходиться веселые денюжки.

Джейкоб вытянул шею, глянул в корзину, изучая цвет конверта:

— Телефон? Дьявольская придумка, мистер Шелби. Помяните мои слова, эти новомодные штучки еще принесут нам множество бед. Мало людям мотории и этих ужасных превращений. Так еще и

разговаривать с аппаратом! В нем точно сидит Сатана и только и ждет, чтобы шепнуть какую-нибудь пакость.

Консьерж был тем еще консерватором. Помню, два года назад он считал, что трамвай, начавший курсировать от Эйпл-Статла к Мабл-парку, утащит всех пассажиров в ад, стоит лишь полицейским отвернуться.

— Вполне возможно, что и так, — дипломатично ответил я ему. — Время покажет.

С этим он не спорил. Время все расставляло по своим местам. Следовало просто набраться терпения.

Я вернулся в офис, бросив газету на стол, провел рукой по щеке, отмечая, что стоит все же побриться на тот случай, если найдется идиот, вздумавший зайти ко мне в такую погоду. Глянул в зеркало и решил, что бритва подождет и до завтра.

Улыбнулся своему отражению. И тип с глазами вкуса пепла и коротко стриженными волосами забытогопряного карри с ананасом ответил мне тем же.

Не слишком весело. Я бы сказал даже — довольно мрачно.

Еще тот рыжий ублюдок, если честно. Можно сколько угодно быть милым, но когда у тебя сломан нос, а над правой бровью косою шрам от прилетевшего осколка, то тем, кто с тобой не знаком, ты кажешься громиллой, занимающимся по меньшей мере выбиванием карманных часов и кошельков в темных подворотнях Слаудж-стрит.

Это по меньшей мере, как я уже говорил. И если осколок — эхо войны, которое не минуло никого из моего поколения, тех розовощеких двадцатилетних юнцов, какими мы были шестнадцать лет назад, то нос — награда за участие в чемпионате по боксу. В тот год мои кулаки принесли победу Королевскому колледжу полиции. Но не думаю, что моя переносица была им за это благодарна.

Битых полчас я пытался читать газету. Кризис в министерствах, искриры получили квоты и право на ограниченное поселение в наших восточных графствах, премьер-министр посетил академию «Летной силы». Ну и вся та же муть в бесконечном количестве.

Я никак не мог сосредоточиться, темные строчки типографской краски расплывались перед глазами. Беда была в том, что я ощущал предвестников.

Снова.

И это просто выводило меня из себя. Так бывало, когда я делал перерыв, тянул слишком долго, неделями не отпирая верхний ящик стола. И знал, что за этим последует.

Ничего хорошего.

Никакими айлендами нельзя залить тот пожар, что медленно, но верно разгорается в моей крови и бежит по сосудам, нещадно насиловать мозг.

Чертово, треклятое эхо войны и патриотизм наивных глупцов, вызывающихся добровольцами для того, чтобы порадовать чиновников из Научно-технической лаборатории¹. В итоге спустя несколько месяцев испытаний из всей партии придурков, шагнувших из строя вместе со мной, в живых остался только один недалекий кретин.

То есть я.

— Хрен вам всем, — пробормотал я, уставившись в газету и не желая замечать краем глаза проворную тень.

Я знал все ее повадки. Все, что она могла сделать и делала. Всю ту злобу, ненависть и тьму, которую способна принести за собой.

А еще огонь. Треклятый огонь, который пока еще только-только просыпается в моих капиллярах. Я покрутил в сознании приятную мысль, как ей, наверное, будет хреново, если я напую ванну ледяной водой, кину в нее стоун² колотого льда и залезу в этот арктический аквариум с головой.

Вот только следующие предвестники будут куда более болезненными. И так просто я от них не избавлюсь.

Она появлялась то под столом, то под шкафом, верхние полки которого были забиты книгами, а нижние — папками завершенных дел. Еще под фикусом, растущим в большом глиняном горшке. И за тонкими, прозрачными занавесками. Но стоило мне посмотреть на нее, сконцентрировать взгляд, как тень тут же исчезала.

Беда в том, что твари не существует. Это всего лишь мое разыгравшееся воображение. Я знал это, как и то, что я Итан Шелби, но ничего не мог с собой поделать и все равно силился рассмотреть ускользающий от взгляда силуэт.

Ребята в проекте рассказывали всякое. Они тоже замечали ее. А некоторым удавалось *увидеть*. Никто из «счастливчиков» после этого не протянул и пары суток. Так что я страшился того, что могло попасться мне на глаза. В общем, если говорить более понятным языком — тень как та ерунда, которую доктор сказал не чесать, но страшно хочется. И если нарушить приказ, то последствия будут воистину печальными.

Низко загудел телефон. Я вздрогнул, осторожно положил газету на край стола, покрытого зеленым сукном, уставился на новомодный аппарат. Снимать слуховую воронку не хотелось. В данный момент, чтобы нормально общаться, мне требовалось сделать над собой усилие.

---

¹ Оборонная Научно-техническая лаборатория — одна из ведомственных организаций Министерства обороны Королевства.

² Мера веса; равна 14 фунтам, или 6,350 килограмма.

К тому же после теней появлялись голосовые предвестники. Это уже была грань, перед которой стоило принять лекарство. Иначе будет очень хреново. Несколько раз я слышал несуществующие голоса по телефону. Так что вы можете понять мое желание не спешить с ответом.

Возможно, и прав консьерж. Телефон — оружие дьявола и все-такое. Во всяком случае, сейчас он мне именно таким и казался.

Но это мог быть какой-нибудь клиент. А упустить его — значит заставить кредиторов завалить мой почтовый ящик бумагами. Стоит сберечь продукцию целлюлозной фабрики хотя бы по этой причине.

Я протянул руку, снял с рычага блестящую воронку, поднес ее к уху, вторую, на аппарате, подвинул поближе к себе и хрипло произнес:

— Слушаю.

В ответ раздался лишь тихий треск, и мне показалось, что тень под шкафом порадовалась этому.

— Вот черт! Что-то быстро на этот раз. — Я повесил воронку обратно.

Придется поступить разумно.

Из кармана жилета я достал маленький ключик, отпер верхний ящик стола, вытащил самозарядный «Стук», отложил его в сторону, извлек деревянный футляр, повернул медную защелку и, облизав губы, устоялся на стальной шприц, набор игл и отделения, в которых покоились четыре ампулы с мутной серой жидкостью. Уже четыре. Раньше их было десять.

Скоро придется покусать новые. Этого я не хотел почти точно так же, как и вгонять иглу себе в вену.

Чувствуя, что в желудке становится горячо, а к горлу подступает комок, и стараясь не спешить, я растянул пуговицу. Ненавижу себя за это предвкушение смерти.

Вновь загудел телефон.

Я и ухом не повел, закатал рукав и обнажил правое предплечье. Взял шприц, раскрыл его, вложил внутрь ампулу, закрыл со щелчком, ломая печать. Теперь следовало простерилизовать иглу, и скотч на дне стакана, что стоял на краю стола, вполне подходил для этого.

Телефон не умолкал и звенел как бешеный.

Я скрипнул зубами:

— Твою же мать!.. Слушаю!!

— Господин Шелби. Я уже хотела отменить звонок, — раздался в ответ мелодичный голос.

Я узнал телефонистку, работавшую в дневную смену. Девушка была общительной, вежливой и дружелюбной. Для меня она оставалась всего лишь чудесным голосом, и порой я гадал, как та выглядит в жизни.

— Простите, Хлоя. Я отходил. — Я отвернулся от футляра, заметив, что за покрытым каплями окном мелькнула зловещая тень.

— Вам звонит инспектор Юарт из Грейвплейса. Будете разговаривать?

— Да.

— Соединяю. И... господин Шелби. Мне неприятно говорить об этом, но моя компания обязала предупредить вас о задолженности.

— Спасибо. Я оплачу счета в самое ближайшее время, — ровным голосом ответил я.

Раздался тихий щелчок, а затем глубокий сочный голос произнес:

— Алло. Итан?

Мы были знакомы еще с колледжа. Учились на одном курсе, вместе патрулировали улицы Хервингемма и работали совместно с военной полицией. Затем Юарт пошел дальше, а я решил спрыгнуть с поезда и заняться частной практикой. В ту пору мне до смерти надоела политика Грейвплейса. Слишком часто нам приходилось покрывать богатых властителей этого города.

— Привет, Билли. Сколько лет.

— Клянусь Создателем, не так уж и много, — рассмеялся тот. — Как твои дела? Все еще гоняешься за похитителями?

— Время от времени.

— Ну, не приbedняйся. Газеты писали, как ты нашел дочь Баркстоуна. Ребята из отдела особых преступлений рассказывали, что ты был на высоте, когда перебил ту дюжину ублюдков. Отличная работа.

— Спасибо. — Тень юркнула под шкаф, и я готов был поклониться, что успел рассмотреть лохматую обезьянью лапу. Поэтому ускорил разговор: — Что заставило тебя позвонить? Ну кроме ностальгии по старым денечкам, разумеется.

На том конце трубки раздалось нечто напоминающее хмыканье:

— Собственно говоря, у меня есть три причины, старина. Первая, пропустить стаканчик в пабе. Приходи в «Синий шлем». Ребята соскучились. Собирается вся наша старая гвардия. Старик Хепсиба наливает одну бесплатно.

— Он все еще коптит небо? Заманчивое предложение. — Я действительно давно не видел никого из тех, с кем когда-то работал на благо закона и спокойствия мирных жителей Хервингемма.

— Вторая причина — капитан ушел на пенсию. Теперь в Грейвплейсе новый начальник — Слэджен. Наверное, ты не помнишь его, но парень он неплохой. А делу по борьбе с терроризмом нужна хорошая ищейка. Такая, как ты. Меня попросили тебе передать, чтобы ты подумал о возвращении. Не хочешь надевать мундир, работай как консультант. После того как эти революционеры взорвали над парламентом «Бриз», твои акции резко взлетели до небес. Ты умеешь находить ублюдков. Что скажешь?

- Мне нравится подчиняться самому себе.
- Не спеши. Как надумаешь, просто позвони мне.
- Ну а третья причина твоего звонка?

Юарт помялся:

— Один приятель моего приятеля попросил об услуге. Ему требуется надежный парень для непростой работы.

— Какого рода работы? Не юли, Билли. Говори как есть.

— Он ищет человека. Я сразу вспомнил о тебе.

— А почему розыском не занимается полиция?

— Как я понял, за давностью лет. Наши не возьмутся. Да и не могут взяться. Работа предполагает выезд за границу.

Хм. Интересно.

— Куда?

— Не имею ни малейшего понятия, старина. Мне позвонили несколько минут назад, и я дал твой адрес. Клиент должен зайти в ближайшее время. Возьмешься?

Работа мне была нужна позарез, так что я ответил:

— Во всяком случае, выслушаю его. Спасибо, Билли. С меня считается.

Мы еще с минуту говорили о всяких пустяках, затем попрощались. Я вытащил из шприца ампулу. Сейчас не время для ада.

Высокий седовласый старик с прямой осанкой, в шерстяном костюме-тройке для путешествий вошел в контору, оставив мокрый от дождя зонт возле двери, повесил на крючок плащ и касторовую шляпу с узкими полями, сел на предложенный стул, поставив дорожный саквояж рядом. У гостя было узкое породистое лицо с тонким носом, лохматые пушистые баки, кустистые брови и темные глаза. От выпивки он отказался, несколько секунд изучал меня, затем представился, протянув визитку:

— Мое имя Джейсон Хенстридж.

— Вы из Риерты? — Я легко определил акцент гостя и почувствовал пальцами дорожную бумагу карточки.

— Все верно. Как вы, наверное, уже знаете, ваш друг рекомендовал вас. У вас серьезная репутация, господин Шелби. Такие громкие дела, как спасение дочери Баркстоуна, находка украденного младенца в Тричестере, удачные переговоры с похитителями в Гроссенте, раскрытие убийства баронессы Мон, инсценированного под похищение. Не говоря уже об изящном расследовании в Вагуриде, где вы помогли поймать полиции того людоеда, работавшего в пансионе. И все это за неполные четыре года. Некоторые крупные сыскные бюро не могут похвалиться таким успехом и за срок более пяти лет.

Я склонил голову, принимая похвалу. Возможно, успехи выдающиеся, но... Люди пропадают каждый день, однако не всегда их готовы искать, а уж тем более платить за это. Ко мне за помощью обраща-

ются довольно редко, иначе я не получал бы счета с пометкой «Последнее предупреждение! Оплатить до двадцать пятого числа сего месяца!».

— Вижу, вы навели справки.

— Конечно. — Старик улыбнулся бескровными губами. — Я предпочитаю сотрудничать с профессионалами — это избавляет меня от безумного разбрасывания деньгами и бесконечных объяснений, чего я хочу. Ваши поступки, а также безупречная служба в полиции говорят о многом.

Его глаза вкуса молодой горчицы усмехались, и я понял, что этот Хенстридж знает не только о моей безупречной службе, но и о скелетах в шкафу. Я не стал уточнять каких. И как у него появилась такая информация. Раз его это не смущает, не будем ворошить прошлое.

— Перейду к сути дела. — Старик пару раз легко коснулся указательным пальцем своего подбородка. — Я достаточно богат. — Его губы тронула извиняющаяся улыбка, намекающая, что Хенстридж понимает, сколь неуместно должны звучать его слова для тех, кто «богат недостаточно». — И я готов платить за вашу помощь. Моя профессия... скажем так... изобретатель. Да. Пожалуй, это будет точное определение, мистер Шелби. Во всяком случае, самое простое из всех доступных. Я один из тех, кто придумал способ, как добыть, очистить и стабилизировать моторию, а также построил единственную фабрику для ее переработки.

Я посмотрел на этого человека новым взглядом.

— Я знаю Белджи, Баллантайна и Брайса. Но о Хенстридже слышу впервые, сэр.

Он понимающе улыбнулся:

— Троица «Б». Величайшие умы современности, как теперь утверждают газетчики и биографы. Конечно, я понимаю ваши сомнения. Но в отличие от моих друзей я гораздо менее тщеславен и ненавижу упоминания в прессе. И назойливое внимание окружающих. Все, что я делал, я делал ради науки, человечества и прогресса.

— Но вместе с тем вы не стали отказываться от денег, — усмехнулся я.

Его усмешка была зеркальна моей.

— Разумеется. Я не альтруист и не идиот, мистер Шелби. Когда твой банковский счет чувствует себя хорошо, это дает возможность продолжать исследования. Деньги, как вы понимаете, приносят возможности. А ученый не должен от них отказываться, если, конечно, хочет двигать науку и дальше. Я вижу сомнение в ваших глазах и, как человек, привыкший доверять фактам, вполне понимаю его. Где доказательства, что сейчас какой-то старый идиот или мошенник не морочит вам голову? У меня есть патенты. Если они вам нужны, я пришлю копии. Есть моя чековая книжка. — Еще одна мягкая улыбка.

ка. — Знающие люди из Академии Риерты могут подтвердить мою личность.

— А ваши соратники? Гении современности?

Он вежливо приподнял брови:

— Как видно, вы не очень интересуетесь биографиями.

— Это так заметно? Признаюсь честно, история жизни ученых находитесь за пределами моих интересов.

Старик печально развел руками:

— Баллантайн погиб во время запуска конвейерной линии по зарядке капсул с моторией. Система все еще была нестабильна, и взрыв уничтожил многое. Белджи попал в плен к искирам во время оккупации Риерты и умер, не открыв им тайн моей страны. Брайс? Мы не общались уже девять лет. Он выбрал иной путь и предпочел дружбу с теми, кому я руки не подам. Что касается лаборантов и учеников... Они, как и я, возились с открытой субстанцией. Им повезло чуть меньше. Понимаете?

Я задумчиво кивнул:

— Понимаю. Мотория в открытой форме смертельно опасна. Могу позавидовать вашей удаче.

— Не стоит, — мягко попросил он. — Всех, кто работал с нестабильным веществом, удача обошла стороной.

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, и я сказал, просто констатируя факт:

— Вы умираете.

Он хохотнул:

— Мне нравится ваша прямота! Именно так. Я уже в могиле, только сверху никто еще не закидал ее землей, сэр. Станный минерал поднимали со дна озера Матрэ еще наши далекие предки. Он не привлекал их внимания — тусклые кристаллы, которые не поддавались обработке, серели на воздухе, крошились. Сущий мусор. Баллантайн был самым гениальным из нас. В душе он настоящий алхимик и обожал эксперименты. Именно он получил из кристаллов первичную моторию. Никто не догадывался об опасности, исходящей от нее. Все мы были молоды и собирались жить вечно.

Я кивнул, вспоминая себя и моих друзей, добровольцами запишавшимися на фронт. Кто из нас мог подумать, чем все кончится?

— Мы не ожидали от вещества, в котором, казалось, жили звезды, никакого подвоха. Люди поняли опасность через много лет, когда уже было поздно. Все, кто слишком часто контактировал с субстанцией, менялись. В той или иной степени.

— Грубо говоря, переставали быть людьми, — уточнил я. — Контаги. Вот как называют подобных существ. И вот почему другие страны не торопятся производить свою моторию, а предпочитают покупать ее у Риерты.

— Как и то, что мое правительство не горит желанием упускать из своих рук монополию по созданию топлива. Впрочем, причина, которую назвали вы, куда важнее. Ваш премьер-министр не желает волнений и появления чудовищ в Королевстве.

Не только премьер-министр. И парламент. И королева. Контаги опасны. Этого не понимают лишь чертовы либералы, продолжающие считать измененных людьми, и чертовы финансисты, которым все равно, как сильно смердят кровью и магией фунты.

— Я не вижу в вас изменений, — сказал я.

— Они незначительны. И не всегда есть фенотипические признаки. Не каждый пострадавший от мотории становится классическим контаги. К тому же существуют и иные вариации.

— Вы о том, что газеты привычно называют магией?

Он насупился:

— Среди журналистов сейчас одни лишь неучи. В мире нет никакой магии. Волшебства не существует, ибо оно противоречит законам мироздания. Есть законы физики, химии, математики, астрономии, биологии и прочих уважаемых наук. И даже если мы не понимаем их, это не означает, что они куда-то там деваются. Варвары Папаякты тому нам примером. Они не знают ничего об электричестве, притяжении тел, валентности, умножении и микромире бактерий, но это не мешает им с легкостью пользоваться резонансом, магнетизмом, окислительными реакциями и всем прочим, пусть дикари это и называют силой богов. Ингениум не магия. Это просто иная сторона жизни, пробудившаяся в некоторых из нас благодаря мотории.

— Я слышал о людях, которые двигают предметы взглядом, создают щит из воздуха, спасающий от пуль, и переносятся на двести ярдов в пространстве. Куклы, плакальщики и другие. Они довольно редки.

— Плакальщики и куклы — да. Но ингениум не редкость. Один случай на тысячу, полагаю.

Я не стал скрывать своего удивления:

— Разве от мотории пострадало так много людей?

Хенстридж посмотрел сурово:

— Кварталы Старой Академии моего города тому подтверждение. И дно озера, куда сбрасывали тела. Первая фабрика до усовершенствования фильтров отправляла в воздух опасные пары. И не забывайте о перевернутых емкостях, конденсации, лопнувших и треснувших капсулах с уже казавшейся нам стабильной жидкостью. Мутации никогда не происходили мгновенно. Я сорок лет занимаюсь этой областью науки. Появление изменений — порой вопрос десятилетий. И когда случилась эпидемия, никто из нас не был готов к этому. Мы даже сперва не поняли, что произошло, а врачи на Лазарете сбились с ног. А потом началась война...

Я кивнул. Чтобы победить Империю, все средства были хороши. Искиров закидывали снарядами, начиненными нестабильной моторией. А они нас. Многие из тех, кто вдыхал эту хрень, теперь уже не дышат.

— Дьявольская дрянь.

— Все верно, мистер Шелби. Люди все время находятся в контакте с тем дьяволом, что мы создали, сэр. И за двадцать пять последних лет умерло и обратилось достаточное количество. Просто об этом не знают. Или не говорят. Или не пишут. Вы покупаете у Риерты моторию, а то, что творится в старых кварталах, никого не интересует. Моя страна получает баснословные деньги, но и рассчитывается за этот доход ничуть не менее серьезными последствиями. Многие из моих друзей и коллег, поняв, на какую дорогу они ступили, пускали себе пулю в лоб или совали голову в петлю.

— Не поручусь, что я поступил бы как-то иначе. Никто не хочет превращаться в чудовище. Мы заплатили цену за развитие цивилизации. Благодаря мотории есть свет в наших домах, на ней двигаются поезда, трамваи, дирижабли, корабли, бронеколески и танки. Она во много раз эффективнее угля, который используют и сейчас. Но ее производство опасно. И я не знаю, что будет с вашим городом еще лет через пятьдесят. Не превратится ли он в страну ужасов, где по улицам, вдоль каналов, рыскают мрачные тени?

— Не могу сказать. Знаю лишь, что наш мир шагнул в новую эру. А те, кто помог ему сделать шаг, оказались... в не самых лучших условиях. В общем, мой доктор посоветовал мне привести в порядок земные дела. — Хенстридж равнодушно улыбнулся, было видно, что он бы с удовольствием пожил еще.

— И вот вы здесь. Так кто же пропал?

— Три месяца назад из моей лаборатории украли прибор и мои записи к нему.

Мне показалось, что я ослышался:

— Простите?

Старик на мгновение прикрыл глаза, ему не понравился мой тон:

— Я знаю, что вы занимаетесь только поиском людей.

— Вот именно. Кражи не моя специальность. — Я начал подниматься со стула, но он поднял руку, прося меня остановиться.

— Понимаю, мистер Шелби, что это не ваш профиль. Я пытался обращаться к другим людям, но они не добились успеха. Исчез предмет, но украл его человек. Вы тот, у которого есть чутье, и ради дела придете по горячей земле. Мне больше не к кому обратиться.

Прежде чем ответить, я потянул время, перевел взгляд на часы, с которых исчезла тень, с досадой вздохнул. Люди, контролирующие производство мотории, богаты. Даже очень. Несмотря на то что диктатура в Риерте забирает себе львиную долю дохода. Но... меня смущала эта история, так что я ответил нейтрально:

— Пока слишком мало информации, чтобы принять решение.

— Это случилось в двадцать шестой день месяца низкой воды... июль по летосчислению Королевства. Мою лабораторию ограбили. Оба охранника убиты. А прибор и материалы украдены.

— Что за прибор?

— Экспериментальный образец. Опытная модель, если хотите.

— Мистер Хенстридж, вы же понимаете, о чем я спрашиваю?

На его лице появилось сомнение, но, взглянув на меня, старикан убедился, что если ему требуется помощь, то придется рассказать.

— В теории он должен лучше очищать моторию от примесей. Сейчас хорошим показателем считается семьдесят девять процентов.

— Чем чище мотория, тем она эффективнее. И дороже.

Он поморщился, словно я ткнул его иголкой:

— Вопрос не в деньгах. Я хочу обуздать дьявола, мистер Шелби. Свести все опасности производства к нулю. Или хотя бы попытаться это сделать. А для этого мне требуется прибор. И мои записи.

— Отчего вам не создать новый аппарат, чтобы не задерживаться в исследованиях?

— Хотел бы я, чтобы все было так просто, мистер Шелби. Но открытие и его воплощение принадлежали Белджи. Когда началась война, Белджи его только придумал и собирал лабораторную модель в первые дни оккупации Риерты искрами. Он не довел разработку до конца — но успел передать мне сделанное прежде, чем попал в руки императорской разведки. Все эти годы я пытался понять, как превратить недоделанный прототип в рабочую модель. И у меня почти получилось. Еще бы года два и...

— У вас нет этого времени, — закончил я за него.

— Верно. Но оно есть у других.

— У Брайса, с которым вы не общаетесь?

Старик посмотрел на меня печально:

— Это действительно важное открытие для человечества. Если его довести до ума. И ради будущего людей я попрошу помощи даже у дьявола, сэр, не то что у Брайса. Но я собирался передать все разработки ученым иной страны, когда придет время. В надежде, что им хватит ума закончить мои исследования. Однако лабораторию ограбили.

Я не стал спрашивать, о какой стране идет речь.

— Брайс мог это сделать?

— Исключено! — отрезал тот. — О моих исследованиях он не знал. Я готов поручиться.

— Не спешите с этим. Тайна всегда куда менее надежна, чем мы думаем.

Хенстридж поджал губы, но в его глазах мелькнула и исчезла тень сомнения.

— Для понимания ситуации вы должны знать: Брайс работает на правительство нашего города. Он сейчас глава фабрики по производству мотории и близкий друг Мергена. В Риерте есть люди, которые не желают, чтобы прибор попал в руки к нашему правителю, — возможно, искать его в первую очередь следует именно у них.

— Вы уже предпринимали какие-то действия?

— Обращался ли я к жандармам? Нет. Остальные не добились результата.

Я рассеянно повертел стакан, заметив в отражении стекла темный силуэт, стоявший за спиной. Потребовалась вся воля, чтобы резко не обернуться. Не хотел пугать старика своим странным поведением.

— Не буду вас обнадеживать, сэр. Если не нашли другие, то невысок шанс, что найду я. Вором мог быть кто угодно.

— Например? — Хенстридж склонил голову, став похожим на аиста.

Я пожал плечами:

— Дельцы, желающие разбогатеть. Революционеры. Они есть везде. Ваш гипотетический сосед, решивший отомстить. Не спрашивайте меня за что. Кроме того, это могли быть ваши конкуренты. Или враги. Или обычное ограбление, и воры даже не поняли, что взяли. Вариантов бесконечное количество, сэр.

— В любом случае узнать правдивый предстоит вам. Если, конечно, возьметесь. Или вас интересуют лишь мерзавцы, которые воруют детей?

Он прав. Интересуют. И даже очень.

Одного такого я поймал полтора года назад в доках. Он содрал кожу с пятилетней девочки и сделал из нее куклу. До сих пор помню, как мутузил тварь кулаками, пока не подоспели старые приятели из Грейвплейса. Впрочем, они не очень-то хотели меня останавливать, следует отдать им должное, но надо же им было что-то отправить судье, чтобы потом это повесить.

Хенстридж расценил мое молчание иначе:

— Вне зависимости от результата я заплачу вам тысячу фунтов прямо сейчас. Только за то, что вы приедете в Риерту. Если найдете пропажу, то получите еще десять тысяч. И расходы я оплачиваю. Мне кажется, это хорошее предложение, сэр.

Плата была более чем щедрой. Столько я никогда не зарабатывал. Но стоили ли эти деньги того, чтобы я вновь отправлялся в Риерту? После того как я спешно ее покинул много лет назад, никогда не думал, что снова вернусь в этот город.

Розовая жемчужина, крупнейший порт, место производства мотории. Сотни каналов, тысячи мостов, десятки островов. А еще осенние наводнения, туманы, сырые дома, приливы и отливы. Риерта стояла на воде, год от года медленно, но неотвратимо проигрывая ей

бой. А я не большой поклонник воды, если она не сосредоточена в умывальнике или ванне. Поэтому старался держаться от нее как можно дальше.

Впрочем, не это главная причина для моего отказа. Вряд ли Старуха¹ обрадуется моему приезду. У нас с ней возникли непреодолимые разногласия.

— Сожалею, мистер Хенстридж. В первую очередь за то, что отнял ваше время. Но я привык дорожить своей репутацией. Этот город моя вотчина, и я хорошо знаю его дно. И умею находить похитителей. А вот вещи — не мой профиль. Я просто займу еще больше вашего времени, а результат будет нулевым. Лучше вам найти того, кто действительно сможет помочь.

Несколько секунд он смотрел на меня тяжелым взглядом, затем его лицо разгладилось, и он кивнул.

— Вы хотя бы честны со мной. В отличие от других. Что же, не стану вас разубеждать. Но стариковская надежда вещь довольно прилипчивая, так что простите мою назойливость. — Он встал со стула и положил на мой стол узкий белый лист, исписанный мелким почерком. — Это чек на тысячу фунтов. Его можно будет обналчить в любое время, без моего подтверждения банку. Не возражайте. В конце концов, если не передумаете, порвите и выбросьте в корзину. А это билет с открытой датой. Каюта первого класса. Надо лишь предупредить пароходную компанию за день, что вы желаете отправиться.

На билет я уставился, как на ядовитую кобру. Я всего лишь на мгновение представил всю ту толщу воды под стальной машиной, как мне стало дурно. Вот уж дудки.

— Заберите! — Это получилось чуть резче, чем я думал, поэтому пришлось добавить: — Не доверяю кораблям. Если я когда-нибудь и отправлюсь в ваш город, то дирижаблем.

Хенстридж пожал плечами и убрал конверт со вкусом лимона обратно в саквояж.

— Как угодно. Вы безрассудно смелый человек.

— Простите? — не понял я.

— Ну... дирижабль. После теракта с «Бризом» летающие лодки Королевства уже месяц простаивают без пассажиров или идут полупустыми. Шутка ли, погибло столько людей. Газеты поговаривают, что это ненадежные машины, и летные компании несут большие убытки. Не каждый сейчас отважится лететь на таком, к тому же бомбисты обещали повторение трагедии.

— Ну, раз не все летают, билеты подешевеют, — усмехнулся я и встал, чтобы пожать старику руку. Решение я уже принял и не пла-

¹ Глава преступной организации, которая, по слухам, контролирует большую часть криминала Риерты.

нировал от него отказываться. Но не собирался расстраивать Хенстриджа еще сильнее. Поэтому позволил чеку остаться на столе. Поврать его дело минуты.

Он все же попросил мою визитку, и, когда дверь за посетителем закрылась, я вновь открыл ящик стола и посмотрел на шприц. Но подумать, стоит ли его использовать, мне не дали. Снова зазвонил телефон.

— Да?

— Шелби? Итан Шелби? — Сквозь треск я различил слабый голос.

— Верно.

— Оставьте это дело. Иначе пожалеете.

Прежде чем я успел ответить, раздался короткий щелчок. Линию разъединили.

Я крутанул ручку на аппарате и услышал голос Хлои:

— Да, мистер Шелби?

— Мне только что звонили. Не могли бы вы сказать откуда?

— Звонили? — озадаченно удивилась телефонистка. — Боюсь, что нет, сэр. Я с вами никого не соединяла с момента разговора с инспектором.

Вот сиди и думай — ты действительно с кем-то говорил или это предвестники.

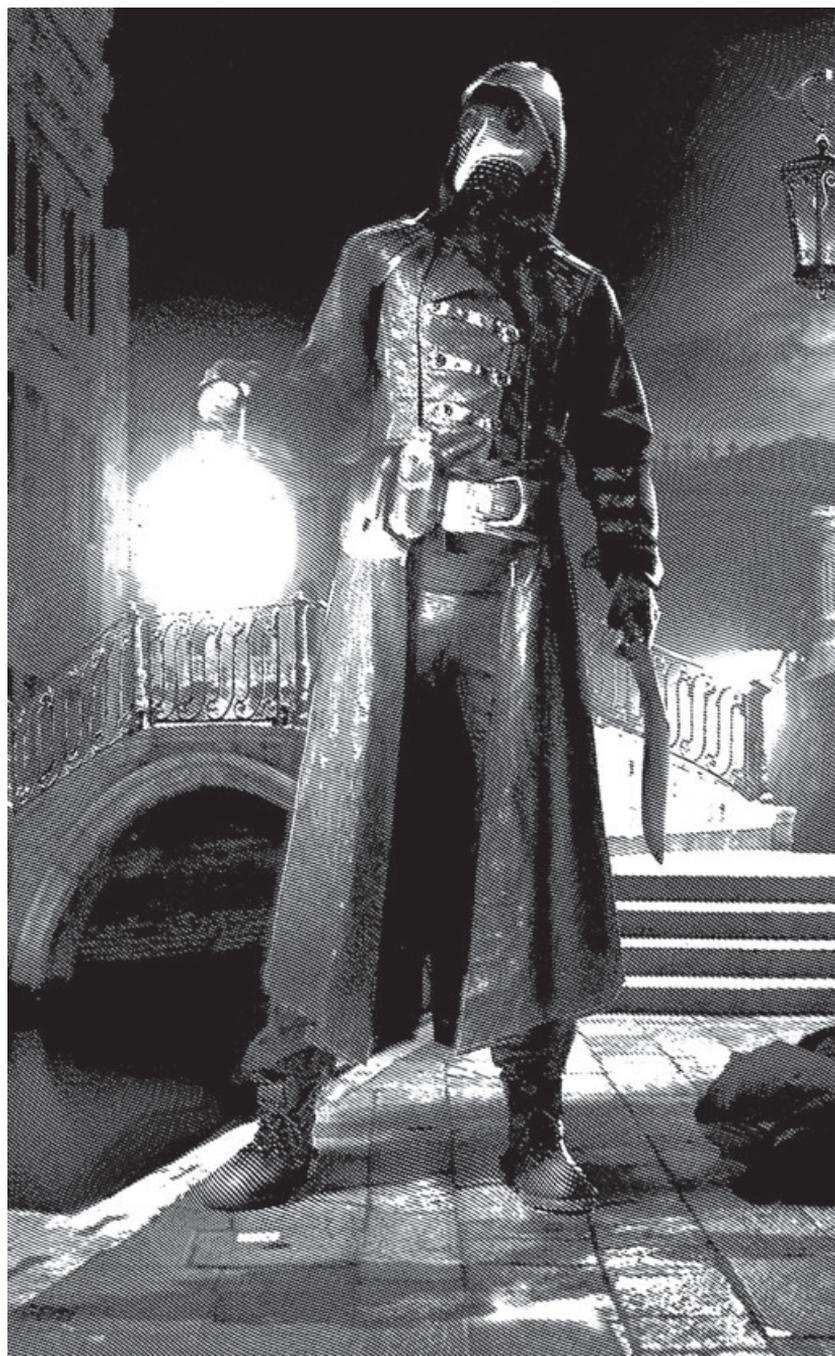
— Простите, Хлоя. Наверное, я еще раз хотел услышать ваш голос, — нашелся я.

— Доброго дня, мистер Шелби. — Я почувствовал, что она улыбается.

Когда я повесил слуховую трубку, то с отвращением бросил шприц в ящик стола. Гори оно все огнем.

Чек на тысячу фунтов стал чуть более привлекателен, чем минуту назад. Есть вещи, которые я страшно не люблю. Например, если какая-то свинья, даже не считая нужным представиться, угрожает и советует мне, чем стоит заниматься, а чем нет.

• Тень ингениума •

I have my own matches and sulphur, and i'll make my own hell.

*Rudyard Kipling*¹

Глава первая СДЕЛКА

Был конец ноября, и при всем желании я не мог бы назвать сезон в Риерте приятным. У нас в Королевстве каждый первый — погодный эксперт, о погоде знают всё и охотно обсуждают за завтраком, обедом, ужином и, разумеется, пятичасовым чаем.

Порой доходит до смешного.

Окружен грабителями в подворотне недалеко от Слаудж-стрит? Поделись своим мнением о качестве дождя с преступниками.

Нечего делать, в то время как снаряда искриков роют землю вокруг твоей траншеи? Обсуди с ротой град в Дредводшире, который в прошлую весну был куда мощнее, чем артиллерия косоглазых.

Тонешь вместе с лайнером, нарвавшись на айсберг в океане? Не забудь сказать капитану, прежде чем корма скроется в волнах:

— Вода нынче довольно прохладна. Вы не находите, сэр?

В любом обществе ты сразу прослывешь благовоспитанным, образованным и вежливым человеком. Даже если спустя секунду тебе под ребро вобьют нож, снаряд угодит прямо в каску, а океан заполнит твои легкие. Окружающие всенепременно отметят:

— А Итан Шелби был вполне себе порядочным и воспитанным джентльменом. Какой на улице, однако, дождь.

В Риерте же к традициям, принятым в Королевстве, относятся с равнодушием и погоду редко обсуждают даже в сезон высокой воды, когда та стучится в окна, оккупируя первые этажи зданий и скрывая под собой пешеходные мостовые. Здесь большой интерес для светских бесед вызывают контаги, мотория, недовольство рабочего класса, безуспешные попытки бунтовщиков пошатнуть положение местной аристократии, заводские стачки, карнавалы и открытие какого-нибудь ресторана на линиях Бурса. То есть о погоде чаще всего поговорить просто не с кем.

Не то чтобы я страдал от этого, но обсудить происходящее все же стоило. Моросил мерзкий дождь, и зябкий ветер прыгал по кронам деревьев, отскакивая от них, точно мячик от голов регбистов. Южные районы города укутались густой прогорклой дымкой, в тумане

¹ У меня есть свои спички и сера, и я устрою свой собственный ад. *Редьярд Киплинг*

ощущались едкие режущие запахи из труб фабрик Стальной Хватки, чертовы лужи больше напоминали озера, и привыкнуть к подобной осени было не так-то просто ни с первого, ни со второго, ни даже с того раза.

Подняв воротник плаща, я расположился на поваленном стволе старого клена, сунув недочитанную и неаккуратно сложенную газету в карман и время от времени поглядывая в бинокль. Местность была лесистой, со множеством возвышенностей. С них открывался чудесный вид на Пушечный канал и находящийся за ним Арсенал. Берег там изрезан так, словно ножницы и бумажный лист попали в руки одному из безумных пациентов Кавардака. И он создал рваные бухты, в которых теперь стоят боевые корабли, расположены верфи и ремонтные цеха Флота Бурной воды¹.

Мое внимание привлекала железнодорожная ветка, проходящая через лес. Она вела в Арсенал и на всем протяжении своего пути через городские районы надежно охранялась. Но здесь, рядом с лесом, был шанс перелезть через ограду, оставшись незамеченным армейскими патрулями.

Я подготовился. Сейчас была пересменка, тот короткий промежуток времени, когда охрана точно не заинтересовалась бы нами, но, как назло, обстоятельства изменились...

Кроуфорд появился из кустов, точно карликовый кабан, ломая ветки, цеплявшие его пальто. Смачно харкнул, основательно вытер подошвы испачканных грязью ботинок о толстый ковер влажных опавших листьев. Выглядел мой бывший сослуживец, как всегда, неряшливо и мрачно. Возможно, потому, что не прикасался к серому порошку вот уже пару недель и его снова донимал стук скальных молотков, раздававшийся в ушах. Холода Юэн, казалось, совсем не чувствовал, полупальто, похожее на флотский китель, у него нараспашку круглый год.

Он плюхнулся рядом со мной, все такой же хмурый и невысокий, каким я его всегда помнил, пожевал челюстями и словно бы вытолкнул из себя слова:

— Ну, что там?

Я протянул бинокль, и Кроуфорд с апатией приложил его к глазам, чуть подкрутив колесико настройки.

— Хреново, — выдал он свое резюме через долгую минуту наблюдения. — Людей многовато. Нас увидят.

— Да.

— Будем надеяться, что они свалят как можно быстрее, — он внезапно рассмеялся, будто полузадушенная курица. — До прихода патруля.

---

¹ Название Военно-морских сил Риерты. — *Здесь и далее примеч. авт.*

С Юэном вечная история — порой на него находит. Из котомки, перекинутой через плечо, он достал вязаные перчатки из коричневой шерсти с обрезанными пальцами, натянул их с неспешной основательностью, затем извлек газетный кулек, в котором оказались жареные орешки, облитые карамелью. Протянул мне. Я скривился и покачал головой. Когда в моих жилах остается «Якорь», аппетит отсутствует, но зато тень не донимает.

— Что-то не хочется.

Он печально цокнул языком, словно я отказался по меньшей мере от причастия, закинул один орешек себе в рот, сосредоточенно прожевал, хмуря густые брови:

— Твои демоны тебя погубят, ганнери.

— Избавь меня от очевидных банальностей, капрал.

Кроуфорд хмыкнул, вновь сунул руку в недра сумки, выудил на свет стальную армейскую фляжку, потряс ее так, что там многозначительно булькнуло.

— Может, она сделает твое настроение чуть лучше?

Я не стал отказываться, в конце концов это невежливо. Открыл крышку, понюхал, чертыхнулся про себя. Сделал скупой глоток грубого и безжалостного, как удар кувалдой по башке, джина.

Настала очередь Кроуфорда пить, и в отличие от меня он надолго слился с фляжкой, запрокидывая ее все выше и выше, пока кадык на его тощей шее не заходил точно маятник.

Я поднял бинокль, рассматривая далекую поляну, и Юэн проронил:

— Кто у нас сегодня приобрел шанс прокатиться на трамвае в объятия Сатаны?

— Отчего сразу Сатаны? — поинтересовался я.

— А ты видел у трамвая крылья, чтобы он воспарил к райским вратам? — ухмыльнулся тот и вынес вердикт: — В ад. Нам всем там самое место.

— Нам?

— Человечеству, — охотно пояснил мой сослуживец.

— Любовь твоя к двуногим меня поражает.

— С людьми мои отношения как-то не сложились. Ну, так кто?

— Тощий. В цилиндре. И бугай с тростью.

— Интересно. — Интерес в его голосе не чувствовалось. Лишенный сана святой отец больше был занят орешками из кулька. Выбирал самый крупный.

— Твое экспертное мнение?

Пожатие плечами было едва заметно. Я его скорее угадал, чем увидел.

— Какая разница?

— А как же азарт? Все равно ждем. Давай хоть обсудим.

— Хм... Ну-ка еще раз гляну. Если бы в «Кувшинке» принимали ставки на дуэли, я бы сказал, что вперед ногами вынесут господина с тростью.

— Шутишь? Доходяга по сравнению с ним выглядит жалким заморышем.

Юэн бросил бинокль мне на колени:

— Взгляни сам. Парень в цилиндре постарше, но вроде довольно ловок. А драться они намереваются на саблях, а не на пистолетах. Решай все пуля, я бы сомневался. А так тощий его уделает в два счета.

Я более придирчиво изучил дуэлянтов. Затем врача, секунданта, немногочисленных свидетелей, собравшихся в лесном массиве Рирты, подальше от посторонних глаз (как они думали).

— Ты что-то знаешь, — решил я.

Он хитро прищурился и промолчал. Пришлось проявить внимательность. Наконец я догадался:

— Тощий парень кавалерист?

— Ага, — заулыбался мой приятель. — Заметил, как он стоит и ходит? Кавалерист, а значит, знает, как держать саблю.

— Что-то я не вижу тут лошадей, — с иронией проронил я. — Удары здоровяка будут серьезным аргументом в его пользу. Такого оставишь только танком.

— Поверь моему опыту. Доходяга остается опасным противником, даже если его лошадь будет вкопана в землю вверх ногами за тысячу миль отсюда. Кто он?

— Понятия не имею. И про его соперника ничего не знаю.

— Ну, точно не простые люди. Такие, как мы, бьют друг другу рожу или втыкают нож в сердце. А эти — эстеты. Сабли, романтика, все дела.

Я посмотрел на Кроуфорда. Он необычайно разговорчив сегодня. И тот, понимая, о чем я думаю, буркнул:

— Вернусь домой и запалю трубку. Без серого порошка что-то я разболтался.

Он помолчал. Но совсем немного. И снова заговорил:

— Вроде они решились пустить друг другу кровь. Не понимаю я аристократию. Живем в «прогрессивном» веке. В любой лавке можно купить револьвер за мелкую монету, но некоторым только дай возможность, и они с радостью нашинкуют друг друга полосками железа ради какой-то призрачной чести.

— Не ты ли тот человек, который таскает при себе искирский нож? И иногда у тебя руки чешутся пустить его в дело, как тогда, в Компьерском лесу?

Он поморщился от воспоминаний, которые не любил.

— Забываешь, что я убивал не из-за того, что какой-то кретин наступил мне на ногу или сказал скабрзность о моей жене.

Господин, так и не снявший цилиндр, отбил пару сильных пробных атак здоровяка, а затем внезапно «взорвался» чередой ударов, двигаясь быстро и легко, точно не кривоногий кавалерист, а балерина Королевского театра. С такими скоростями он мог нарубить человека на десяток сэндвичей, но, как оказалось, поступил куда гуманнее. Нанес противнику несколько глубоких кровоточащих порезов, так что тот не смог продолжать бой и сдался, оказавшись в руках врача и секундантов.

Я посмотрел на Кроуфорда. Тот следил за действием без помощи бинокля и чуть нервно облизал губы. Чужая кровь, не говоря уже о смерти, выбивала святого отца из колеи.

— Ну? — мрачно спросил он, покосившись на меня и желая знать, что я думаю.

— Ты бы уделал кавалериста.

— С чего ты так решил? — Он не стал отнекиваться, но и не подтвердил мое мнение.

— Помнишь, мы как-то обходили периметр вокруг крошки «Матильды», надеясь, что ветер принес к нам один из сброшенных с дирижабля ящиков с припасами?

— А... — Юэн помнил. — Ну тогда я был моложе, злее и не пришел к Господу.

Мой мотовAGON торчал у искриров точно кость в горле, и им позарез нужен был кто-то из нашего отряда, чтобы узнать про нас как можно больше. В голову имперцам пришла идея захватить языка. Так что в один холодный денек мы нос к носу столкнулись с засадой. Их было пятеро, а нас двое. Никто из врагов не стрелял, в ход пошли сержантские мечи и примкнутые штыки. Но... искрирам не повезло.

Со мной был Кроуфорд.

Пока я возился с одним, он выпотрошил троих, словно мясник, и принялся за четвертого. Легко противостоя людям, которых с детства учили обращаться с мечами. А затем пришла очередь пятого... И эта картинка порой всплывала у меня перед глазами, особенно в те минуты, когда Юэн балансировал на грани пробуждения своих демонов, едва не срываясь в кровавую пропасть жестокости. Ее хватило бы в нем на половину мира, стоило лишь потерять над собой контроль.

— Сейчас они будут расходиться. — Кроуфорд отряхнул ладони. — Сколько времени до появления патруля?

— Семь минут.

— Успеем.

Пришлось довольно сильно ускориться, чтобы преодолеть подлесок, открытую поляну и оказаться возле высокого деревянного забора.

Действовали мы по давно отработанной схеме. Я подкидываю капрала, а он втаскивает меня.

Когда мы оказались на той стороне, то скрылись в кустах, ожидая, пока солдаты пройдут мимо.

Мы слышали шаги, патрульные двигались по насыпи, и щебень скрипел у них под подошвами. Кроуфорд подобрался, но я покачал головой. Если он нападет на них, это не останется незамеченным, и мы точно не досидим до ночи без назойливого внимания со стороны армейских.

— Ну что, ганнери, — усмехнулся он, когда они ушли. — Давно я не гулял по Закрытым кварталам Земли Славных.

Мне потребовалось много сил, чтобы найти человека из тайной полиции, которого я видел не больше минуты в тот неприятный день, когда меня закрыли в Гнезде. Эти ребята из «единорогов» были почти так же неуловимы, как и парни, что берут у вас в долг крупную сумму, а затем исчезают, не оставив адреса.

Я умел находить людей, но на этот раз задача оказалась не самой простой. Риерта чужой для меня город, и я был довольно ограничен в возможностях. Поэтому и провозился куда дольше, чем если бы все происходило в Хервингемме.

Капитана тайной полиции, как-то навестившего меня в Гнезде, звали Ричардом Рэком. Он арендовал квартиру в приличном доме Земли Славных, на тихой парковой улице. Старые отсыревшие особняки, сонные дремучие скверы, мраморные лестницы, сейчас скрытые поднявшейся водой, высокие кованые ограды, газовые фонари, в свете которых матово блестят мостовые. Казалось, что эта часть Риерты существует в совершенно иной реальности. Время тут застряло где-то в середине прошлого века, еще до развития мотории и постройки большинства фабрик Стальной Хватки.

Особенность подобных мест характеризуется фразой: «Здесь никто никого не беспокоит и предпочитает дремать, встречая последнее десятилетие своей жизни в тишине и увядании». Каждый из нас мечтает обитать в кварталах, похожих на эти, так как они дарят удивительное чувство покоя, уверенности в завтрашнем дне и неизбежности существования нашего мира.

Ну... если только некие отморозки не заглядывают на огонек, когда их никто не ждет.

Признаюсь честно, чтобы пробраться сюда ночью — пришлось здорово поработать головой. Закрытые кварталы Земли Славных место хорошо охраняемое. Здесь на каждой улице по посольству, а если ткнуть пальцем, обязательно попадешь в какой-нибудь комитет, суд, министерство или квартиру чиновника. К тому же тут же находится зимний дворец дукса, Центральный банк Риерты, казармы гвардии и логово плакальчиков.

Поэтому в целях безопасности на территорию части кварталов впускают только по пропускам, выданным Министерством вод. А мы с Кроуфордом рожами не вышли, чтобы получить допуск, особенно в ночное время.

Последние месяцы обстановка в городе была не очень. Забастовки, бунты, попытки убийств крупных чиновников, взрывы возле жандармских участков. Несколько дней назад какой-то студент швырнул ручную бомбу в мобиль префекта западных районов. Так что теперь Земля Славных находилась под усиленным контролем жандармов, сторожевых постов, броневиков, конной гвардии и ребят из тайной полиции.

Но я нашел способ обойти жандармские посты.

В северной части района, на высоченных опорах, над домами, возвышался переброшенный через Олений канал железнодорожный мост. Поезда, несущиеся от порта и станции дирижаблей, проходили над трамвайным депо Земли Славных, спускаясь с моста уже в Дикости. Здесь линия множилась, превращалась в разветвленную сеть, отправляя паровозы через Ветроуды, в Гетто и Трущобы, а дальше в Стальную Хватку либо на запад, к Арсеналу.

В отличие от Королевства, железка в Риерте в основном используется для грузов. Пассажирских составов здесь раз-два и обчелся, не такие уж и огромные расстояния, чтобы нельзя было воспользоваться лодкой или трамваем. Зато товарняков, из-за производства, с избытком.

Попасть на такие поезда невозможно — они идут на предельной для города скорости, и их всегда сопровождают команды наемников, охраняющих собственность промышленников. По сути, подобные ребята такие же безродные псы, как мы с Кроуфордом, — прошедшие войну и умеющие убивать. Им хорошо платили, а они метко стреляли, защищая чужие интересы. Лезть к ним на прицел — совсем не вариант.

Но каждую третью ночь, без двадцати два, в перерыве между движением составов, по путям проходила «Кукушка»¹, тянущая за собой несколько тяжелых вагонов в Метель, к станции дирижаблей. В них была почта и грузы, отправляемые воздушными судами в другие страны, топливо для двигателей, баллоны с водородом или гелием, запасные импеллеры и многое другое. Охрана отсутствовала, и это мой шанс добраться во время комендантского часа до нужного места без лишних проблем.

Я торчал под дождем возле железнодорожной насыпи, чувствуя, как шпалы остро пахнут свежим дегтем. Кроме меня, кажется, на целую милю не было ни души. Кроуфорд отправился на разведку и

¹ *Здесь:* паровоз серии «Кукушка», медленный и уже устаревший.

пропал без вести. Я то и дело поглядывал на слабо светящиеся стрелки наручных часов, гадая, что с ним случилось.

До поезда оставались считанные минуты, и я стоял под деревьями, прислушиваясь. За несколько часов на холоде мне порядком надоело мокнуть и хотелось оказаться где-нибудь подальше от леса Дикости.

Юэн появился, когда паровозный гудок разнесся по окрестностям, пронзая своим тоскливым, надрывным воем округу.

От него сильно разило джином.

— Сколько фляг в твоей сумке?

— Недостаточно, чтобы я был пьян.

Паровоз шел тяжело и неспешно, шипя паром и стуча колесами, освещая единственной фарой пути перед собой, волоча с десяток облезлых вагонов. Кроуфорд легко вскочил на подножку последнего, подтянулся, перебрался на ударно-тяговое сцепление. Я, догоняя, вцепился в поручень и устроился так, чтобы не соскользнуть вниз с ненадежной опоры.

— Вид у вас подозрительный, — раздался сверху голос Мосса.

Я выругался от неожиданности, а бывший священник даже не дернулся, только сказал:

— Я твою тушу на крыше увидел загодя. Что ты тут забыл?

— Решил подсобить двум знакомым.

— Ты ему сказал? — недовольно спросил я у Кроуфорда, зная ответ.

— Я всего лишь поделился планами на этот вечер, когда доканчивал бутылку «Болдса»¹. Не думал, что он вылезет из-за кальяна. И переберется через забор.

— Значит, пора начинать думать. — Я разозлился на них обоих. — Какого черта, Мосс?!

Тот несколько неуклюже спустился к нам по скобам, вбитым в деревянную стенку, поправил шерстяную вязаную шапочку.

— Вы два идиота, — с печалью произнес он. — Один свихнулся на боге, порошке и крови, другой на ненависти к искирам. Вам требуется хоть кто-то с головой, чтобы прикрыть ваши задницы, когда начнутся неприятности.

— Не ты ли говорил мне неделю назад, что не хочешь никаких стрессов и предпочитаешь жить долго, сыто и желательно счастливо? — спросил я у него.

— Именно я, — подтвердил владелец «Кувшинки», не стушевавшись. — Но стресс вы мне уже устроили. Или кто-то из вас считает, что после у тайной полиции не возникнет вопросов?

Мы оба промолчали. Чего уж тут отвечать на банальные очевидности?

---

¹ «Б о л д с» — марка джина.

— Вот! — поднял палец мой второй капрал, точно учитель сельской школы. — Если вас, как говорят в лабиринте переулков Верхнего, «запалят», то ваши следы приведут ко мне. Кроуфорд то и дело накачивается джином под моей крышей, а ты, Итан, тоже человек не посторонний и стоял со мной и Арви плечом к плечу, когда мы восстанавливали заведение после окончания войны. Что случится дальше, рассказывать? Жандармы начнут досаждать мне, а это вредит и делу, и финансам. Вызывает недовольство Старухи, и проблемы множатся точно снежный ком, катящийся с горы. Так что я первый, кто заинтересован, чтобы ваши дурные делишки не всплыли в канале вместе со всей той дрянью, что плавает в воде в осенние месяцы.

— Ты слишком разъялся, чтобы быть полезным, — безапелляционно заявил Кроуфорд, точно пятилетний ребенок, у которого что на уме, то и на языке. — Праздная жизнь не пошла тебе на пользу.

— Как и серый порошок тебе, — беззлобно усмехнулся Артур. — Но нам приходится мириться со слабостями друзей.

Юэн подставил лицо ветру, несущему за собой запах паровозной топки, и смилостивился.

— Пистолет взял?

Мосс похлопал по карману пальто. Кроуфорд кивнул, на этот раз выражая одобрение, и вопросительно взглянул на меня.

— Ну не скидывать же его на ходу, — проворчал я.

— Почему сегодня, ганнери? — Артур поглядывал по сторонам, и, казалось, чувствовал он себя не очень комфортно.

— Этот парень неуловим. На работу к нему я прийти не могу, по городу он перемещается с сопровождением. Ночует обычно в особняке на Холме, а туда без перышек Вороненка я никогда не сунусь — охраны еще больше. Но раз в неделю, по вторникам, он приходит сюда.

— Встречи с любовницей?

— Не знаю.

Колеса застучали громче, и старый паровоз, тяжело втаскивающий вагоны в горку, то и дело раздражался гудками, тревожа холодную ночь. Он пыхтел и начал «уствовать», так что машинисту пришлось открыть дымовытяжное устройство, обеспечивая приток воздуха в топку, усиливая горение, повышая мощность машины.

Юэн первым соскользнул вниз, даже не интересуясь, готовы ли мы. Я спрыгнул сразу за ним, удачно приземлившись, сделал кувырок, гася скорость. Мосс замешкался и покинул поезд, когда тот уже почти миновал мост.

— Сидел бы он лучше дома, — сокрушенно покачал головой Кроуфорд.

— Ты больше беспокоишься о нас или о нем? — уточнил я, глядя, как Артур спешит назад, немного припадая на левую ногу.

— О себе. — Как я уже упоминал не раз, Юэн не тот человек, который пытается подсластить правду. — Если его прикончат, то хрен я найду бесплатного джина и угол, где можно отоспаться в тепле. Он не берет с меня денег за выпивку по старой дружбе.

— Шкурный интерес, значит.

— Плоть слаба, Итан. Нам всем это прекрасно известно. А уж я точно не тот, у кого трезвый образ жизни главная добродетель. — Кроуфорд достал из сумки моток веревки, выкрашенной темной краской, и начал обматывать вокруг низких перил. — Когда следующий поезд?

— Через пятнадцать минут в Стальную Хватку пройдет состав с торфяным коксом для сварочных цехов.

— Сто раз успеем.

Мосс остановился рядом со мной, вытащил из кармана портсигар с ребристой крышечкой, повертел в руках и с сожалением отправил обратно, решив, что сейчас не время курить.

— Выглядит ненадежно, — прокомментировал Артур происходящее. — Итан?

— Есть немного. Но придется доверить этому узлу наши кости.

Кроуфорд с равнодушной вялостью пастуха, обреченного общаться исключительно с баранами, подергал веревку.

— В горах Рампонгтоха такой узел отлично выдерживал не только нас, но и вес горной пушки. Так что побольше веры, друзья мои. Вам ее вечно не хватает.

— Погоди! — Мосс положил руку на плечо Кроуфорда. — Каждую ночь из депо выходит ремонтный трамвай. Он привычен для всех патрулей и не вызывает у них интереса. Человек, который сегодня будет в кабине, любит игру в карты и задолжал «Кувшинке» довольно приличную сумму. По его меркам, разумеется.

Я негромко, без всякой радости рассмеялся:

— И после этого кто-то смеет утверждать, что азартные игры несут лишь зло. Надеюсь, ты ему не выкручивал руки?

— Что ты! Когда он услышал, что требуется для прощения долга, то едва не пустился в пляс.

— Ему можно доверять?

— В наших районах не принято сообщать жандармам о таких вещах. Ты же понимаешь.

— Нельзя исключать ситуации, когда тот, кто сообщает, — не понимает.

Мосс посмотрел на меня с обреченным сочувствием:

— Мне показалось или со мной делится опытом бывший коппер?

— Не показалось. Любой может оказаться осведомителем. Именно благодаря помощи стукачей ловится множество плохих парней.

— Вот только теперь плохие парни — мы. А я настолько плох, что плачу Старухе и, находясь под ее покровительством, предлагаю людям азартные игры и девчонок. И, по сути, долги клиента «Кувшинки» в какой-то степени принадлежат ей. Ни один человек, живущий выше Обратного канала, не хочет, чтобы его провела кукла.

Тут можно было спорить, говорить об исключениях и прочем. Но из дальнего переулочка показалась квадратная коробочка старого трамвая. У него была открытая кабина и грузовой кузов, заваленный запчастями. Горела лишь одна из двух защищенных проволочными решетками фар, да и та светила так слабо, словно подача тока по проводам вот-вот должна прекратиться.

— Точно как я просил, — довольно улыбнулся Артур. — Минута в минуту.

Трамвай остановился перед воротами депо, из кабины вышел человек, отправился отпирать замок и снимать цепь со створок, чтобы выехать на улицы.

Я первым спустился по веревке и не скажу, что это было просто. Слишком тонкой она оказалась, и я болтался из стороны в сторону, точно маятник часов.

Мосс медлил, осторожничал, а время утекало, точно тростниковый ром, исчезающий в глотке негра.

Кроуфорду, как и всегда, помощь не требовалась. Только что он был на мосту — и вот уже стоит рядом, а веревка, за которую он дернул, падает к его ногам, несмотря на все уверения в надежности узла. Артура аж передернуло, когда он представил, как приземляется на мостовую и ломает себе все кости.

— Ну не бросать же ее здесь, — буркнул Юэн, видя лицо однополчанина.

Борта ремонтного трамвая оказались высокими, сильно проржавевшими и ледяными, что ощущалось даже сквозь перчатки. Внутри кузова, насколько я мог разобрать впотьмах, лежали ящики с инструментами, запчасти к переключателям стрелок, обрезки рельс, несколько пахнувших старой краской шпал, целая демонтированная колесная пара и фрагменты тягового двигателя.

Как только мы разместились, раздались шаги, сверху на нас упал брезент, трамвай низко загудел, набирая ход, и пошел по ночным улицам, гремя колесами.

— Ощущаю себя некомфортно, — пожаловался Кроуфорд, но сочувствия от нас, ясное дело, не дождался.

Время растянулось, превратилось в тонкую, но нервущуюся нитку. Под старым брезентом было холодно, острый металл запчастей норовил впиться в ребра, порвать одежду. Дважды колымага сбавляла ход, и я слышал окрики жандармов, когда мы проезжали мимо постов, но никто, по счастью, не спешил заглядывать в кузов.

Безалаберность и расхлябанность окружающих — это те вещи, на которые всегда рассчитываешь, когда собираешься совершить преступление.

Наконец трамвай остановился, треснул переключатель отключения подачи электричества, и я услышал удаляющиеся шаги.

Мосс выбрался из укрытия, не дожидаясь приглашения, сказал нам негромко:

— Пошевеливайтесь.

Когда мы уходили в ближайший переулок, я обернулся, но человек, оплачивающий Артуру долг, не смотрел на нас, целиком и полностью занятый проверкой ручной стрелки.

Чтобы не привлекать лишнего внимания нашей «большой» компанией, Юэн сильно отстал, почти на два квартала. Мосс курил на ходу, убивая уже третью папиросу и свои легкие. Последний окурочок он щелчком отправил в канал, вода в котором, точно ловкий мангуст, забралась почти на набережную, грозя вот-вот подтопить улицу. В этом году наводнение обещало быть самым долгим и сильным за полвека и не собиралось сдавать свои позиции, несмотря на скорую зиму.

Конный патруль жандармерии мы услышали загодя и ушли в неосвещенный проулок, а затем перебрались на противоположную сторону канала по связанным между собой лодкам, из которых местные жители собрали на скорую руку ненадежный мост.

— Ты подумал, как мы будем уходить, Итан?

— Через склады на границе с Ветроудем. Легко пройдем через свалку и окажемся у железки, в пять утра у них смена патрулей.

— Зря ты вытащил Кроуфорда. В последнее время он слишком много чудит.

— В последнее? — изогнул я бровь. — Он странный малый все те годы, что я его знаю.

— С той лишь разницей, что после войны подсел на серый порошок, который превращает его мозги в губку. Удивительно, что ради тебя он сделал усилие и выбрался из своих вечных дурманов.

— Ради меня?

— Это же Кроуфорд. Командир для него подобен богу. Ты как надежный островок в болоте, и он цепляется за тебя из последних сил ослабевшими пальцами. — Мосс убрал руки в карманы, заговорил с деланным равнодушием, словно о событии незначительном и неважном: — Юэн сорвется. Это вопрос очень близкого будущего. И либо он утонет в сизых дымах, либо захлебнется в чужой крови.

Я поднял брови, одновременно следя, как Кроуфорд, появившийся на противоположной стороне канала, перебирается по лодочному мосту.

— О, да. И меня это пугает до чертиков, друг. Остатки нашего отряда редуют на глазах, что заставляет меня задумываться о скоротеч-

ности жизни и о том, что я что-то упускаю. Живу не так, как бы мне хотелось. И беда в том, что я не знаю как. Боюсь, пойму это, когда будет слишком поздно, а последний вагон поезда уже скроется за поворотом.

— Обычно тебе не присущи столь сильные приступы меланхолии.

— Поэтому я и предложил ему сидеть дома. — Кроуфорд оказался рядом с нами и слышал мою фразу. — Меланхолия, депрессия, упадничество и еще жалость к самому себе. Лучшие спутники для адских грешников, желающих покончить жизнь самоубийством.

— Право, ты куда дружелюбнее, когда я наливаю тебе джин.

Тут Юэн не стал спорить:

— А уж после трубочки я целую неделю словно агнец. Лежу и никого не трогаю. Но пока это только мечты, и мне приходится цепляться к окружающим по любому пустяку.

— Хорошо хоть ты в состоянии это понять. Этот дом?

Я сверился с адресом:

— Да.

— Кто-нибудь еще есть в квартире?

— Нет информации.

— Консьерж внизу?

— Не знаю, Артур. Никто, с кем я смог поговорить, не обладал такими сведениями.

— Ладно... Будем импровизировать. Кстати, как вы собирались попасть в дом без меня?

— Так, как мне посоветовали опытные люди. — Я указал на соседнее здание и пожарную лестницу. С нее можно было перепрыгнуть на балкон нужной квартиры.

— М-да. Давайте уж войдем по-нормальному, а не как обезьяны.

Кроуфорд достал из кобуры револьвер, стал накручивать на ствол армейский поглотитель звука, напевая что-то себе под нос. Покосился на нас, осекся, понимая, что его унесло куда-то не туда. Артур сокрушенно вздохнул, опустился на колени возле входной двери, щелкнул зажигалкой, изучая замок. Через несколько мгновений погасил огонек и достал отмычки.

— Надо пару минут.

Работал он на ощупь, почти бесшумно, и на его лице было точно такое же спокойствие, словно он приканчивал очередной яблочный кальян, а не лез в чужой дом. Еще один привет из прошлого. До того как Мосс отправился сражаться с искрирами, он занимался не слишком порядочными делами. Впрочем, как и многие из нас в молодости.

Уверен, на левом предплечье моего второго капрала все еще набита выцветшая татуировка толстого кота, держащего в лапах связку ключей. Знак людей, промышлявших посещением чужих домов без приглашения хозяев. В нашем батальоне, да что уж там скромни-

чать — во всей бригаде не было никого лучше, кто умел бы так ловко вскрывать замки.

Вот и тут он тоже справился, повернул ручку, впуская нас в подъезд, окутанный синим мраком. Подумав об этом, я понял, что ко мне только что вернулось осознание цвета. «Якорь» полностью выветрился из моей крови, а значит, несколько дней я буду наслаждаться теми же чувствами, что и все остальные нормальные люди.

Пока в голове все опять не перемешается.

— Третий этаж, — сказал я тихо и, когда мы оказались на лестничной площадке, указал Моссу на дверь.

Артур действовал все так же мастерски, замок сдался, и Юэн первым скользнул в приоткрытую створку. Здесь было еще темнее, чем в подъезде, шторы на окнах закрыты, но Кроуфорда это мало смущало. Он коснулся моего плеча, вытянул руку, которую я с трудом различил, указав на помещение справа, чтобы я не спускал с него глаз. Дождался моего кивка и, осторожно ступая, направился по коридору.

Он вернулся меньше чем через минуту, проверил оставшуюся комнату, и в его руке загорелся маленький карманный фонарь.

— Никого, ганнери. Не только нам не сидится дома в такую ночь.

— Ждем или уходим? — спросил Мосс.

— Ждем. Два часа у нас есть, потом уйдем, чтобы успеть до расвета. Может, еще появится.

Артур запер замок:

— Постарайтесь ничего не трогать и не двигать. Хозяину ни к чему знать, что приходили гости.

После этого он по старой привычке заглянул в каждую из трех комнат и выдал свой вердикт:

— Все несколько старомодно и запущено.

— Нашел чему удивляться, — сказал я. — Обычное жилище холостяка. Если заглянуть в те берлоги, что являются нашими домами, вид будет не лучше.

Кроуфорд кудахтнул, точно кто-то жестокий неожиданно отвесил ничего не подозревающей курице смачного пинка.

— Подежурю первым. — Мосс сел у окна, из которого открывался вид на улицу.

Я расположился на стуле, если честно, серьезно раздосадованный неудачей. Просто чувствовал, как Сайл дышит мне в затылок и вот-вот опередит на повороте в поисках технологии мотории.

Юэн все никак не мог успокоиться. То и дело вскакивал, ходил из комнаты в комнату, бормотал какую-то ерунду себе под нос.

— Угомонись наконец, — попросил я.

— Мне позарез нужен глоток джина, — оправдался он и, словно пес, которому отказали в игре, лег на коврик возле входной двери.

Кажется, заснул, во всяком случае, его дыхание стало глубоким и ровным.

За час Мосс отметил шесть патрулей жандармов. Еще раз проехал бронированный мобиль, а по каналу дважды прошла лодка с гвардейцами, освещающая прожектором берега.

— Я так и не спросил, как ты собираешься действовать, Итан, — негромко произнес Артур, все так же продолжая наблюдать за улицей. — Забраться в дом — это всего лишь первый шаг. Но что дальше?

— Рассчитывал задать вопросы.

— Но вот с ответами... беда. Даже если он не станет сопротивляться, что довольно сомнительно для человека из тайной полиции, с чего ты решил, что кто-то из подобных людей раскроет тебе душу? Мы все жесткие ребята и большую часть времени лишены сантиментов, особенно к тем, кто нам не дорог, но подумай сам — чем ты сможешь на него надавить? Семьи здесь нет, хотя не думаю, что ты со своими принципами пошел бы на такое.

Он слишком хорошо меня знал, признаю.

— Ты ведь понимаешь, что случится дальше, — спокойно произнес я, глядя в потолок. — Именно поэтому я не собирался брать тебя с собой. Лучше запачкаться двоим, чем троим. Кроуфорд умеет заставлять людей говорить, даже если те не желают этого. Помнишь ведь, как он развязывал языки искирам.

Артур кашлянул негромко:

— Оставил бы ты эти шпионские игры к чертям собачьим, глядишь, и прожил бы подольше. Маховики государств перемалывали и куда более крутых парней, чем ты.

— Я и не спорю с этим. Но иногда надо просто делать то, что должен.

— Должен кому?

— Себе.

— Оставь войну в прошлом, в конце концов.

— Не могу, — искренне сказал я. — Она — все, что у меня есть.

Он печально цокнул языком:

— Мы снова возвращаемся к старому разговору. Жизнь идет, и надо находить новый смысл в своем существовании, а не застревать в прошлом.

— Хотел бы я сказать, что ты не прав.

Кроуфорд за время нашей беседы успел вновь прийти в движение, пронесся по квартире и вернулся озадаченным:

— Слова Артура о том, что здесь все запущено, не давали мне покоя. Я тут пошуршал... В верхнем ящике стола он хранит револьвер, под кроватью закреплен дробовик, и это я еще не проверял кладовку. Эти открытия никого из нас не поразили.

— Человек просто заботится о своей безопасности. Разумная предосторожность в наши суровые времена.

— Ага, — несколько задумчиво протянул Юэн. — В буфете нет никакой еды. Вообще. Выпивки. Воду в питьевом баке не меняли уже пару недель. О таких вещах, как мыло или зубной порошок, просто нет смысла говорить.

— Ну прямо как у тебя в доме, друг, — улыбнулся Мосс. — Правда, в твоей лачуге еще и крыша протекает.

— На постели никто не спал вечность. Она отсырела, и одеяло все в пыли. Пыль на тарелках и стаканах, в кресле, вентиль крана в ванной скоро проржавеет намертво, а зола в печке старше моей прабабки. Никаких книг, бумаг, даже чернил. Скажи мне, Итан, как ты нашел это место?

— Старые связи в Садах Маджоре и некоторое количество цинтур.

— Тебе сдали явочную квартиру, друг. Быть может, она принадлежит тайной полиции, а может, предназначена для каких-то иных встреч. Но мы сильно рискуем, находясь здесь. Куда сильнее, чем ты даже думаешь.

У Кроуфорда, с его опытом, послужным списком и тем, чем он занимался до войны, нюх на подобные вещи.

Принимал я решение меньше секунды:

— Уходим. Прямо сейчас.

— погоди. — Мосс поднял руку, останавливая меня от шага в коридор. — К крыльцу идет человек. Наш клиент?

Я выглянул в окно:

— Непохоже.

— В доме пятнадцать квартир. Он может направляться в любую из них.

— Конечно, — сказал я, когда мужчина скрылся в подъезде. — Но что-то мне подсказывает, что в комендантский час по улицам шастает лишь тот, кому нужно именно сюда. Кроуфорд, постарайся не прихлопнуть его в первый же момент.

— Если только он не начнет палить. — Мой капрал занял позицию в коридоре, частично спрятавшись за выступом шкафа, и не забыл натянуть себе на лицо шапку, превратив ее в маску с двумя прорезями для глаз.

Я сделал то же самое, встав рядом с дверью и сняв пистолет с предохранителя.

Он не скрывал своего приближения, я слышал усиливающиеся шаги на лестнице, а затем раздался стук. По тому, как человек стучит в дверь, можно многое о нем сказать. Смел ли он, не уверен в себе или же вежлив.

Этот стук отличался вежливостью, но в то же время говорил, что пришедший в курс — в квартире кто-то есть. Надо сказать, не очень обнадеживающее открытие.

Я быстро глянул на Мосса, но тот покачал головой, показывая этим, что не видит из окна других людей.

— Мистер Хеллмонк, сэр. Это Маклиди. Вы должны меня помнить. Разумеется. Тяжело забыть личного помощника (или проще сказать громилу) Уилбура Уитфорда. Он, как и я, принял участие в незабываемом веселье в «Сладком мире», откуда плакальщик едва не вынес меня вместе с Мюр вперед ногами. С тех пор я ничего не слышал ни о слуге, ни о его хозяине.

И на тебе.

— Надо поговорить, сэр, — вкрадчиво произнес голос за дверью. — Чтобы не случилось недопонимания в возникшей ситуации.

Я все еще колебался, как следует поступить правильно, но не Кроуфорд. Он не нашел ничего лучше, чем вякнуть:

— Никого нет дома, Бафф. Проваливай.

Очень захотелось заорать: «Ты охренел?!», но я лишь скрипнул зубами от досады. Какой смысл спрашивать, если я и так знаю ответ на свой вопрос.

— Все строишь из себя клоуна, Юэн? Так вы пустите меня или будем, как дебилы, общаться через дверь?

— Смотрю, вы знакомы.

— Бафф был сержантом в четвертом отряде. А я в первом. Служили в одном эскадроне¹ под Рампонгтохом.

Это многое объясняло. Ну... хотя бы то, что господин Уитфорд знает, каких людей надо нанимать себе на службу. И что Маклиди опаснее, чем я предполагал.

Я знаком показал Моссу, чтобы он отпер замок, все еще думая, как нас смогли найти? Выходит, опять следили, а я этого не заметил? Называется, почувствуй себя идиотом второй раз за месяц.

— Только давай без глупостей, Бафф, — предупредил его Юэн. — Все мы люди нервные, а случись непонимание, извиняться будет уже не перед кем.

Тот даже не счел нужным подтверждать очевидные вещи. Вошел, держа руки на виду и стараясь двигаться плавно и аккуратно, словно шагал по тонкому льду.

Кроуфорд, подняв пистолет на уровне груди, спросил негромко:

— Оружие?

— Да. Правый карман.

Юэн кивнул мне, я забрал у гостя коротконосый револьвер и на всякий случай обыскал его.

— Осторожность не помешает. — Возможно, мой капрал счел, что его слова звучат как извинение, но тон его говорил, что ему плевать, если Маклиди внезапно все же обиделся. — В столовую. Садись на стул.

---

¹ По традиции с позапрошлого века роты Двадцать первого полка Ее Величества носят названия эскадронов. В полку четыре эскадрона, в каждом эскадроне по четыре отряда.

Мы с Кроуфордом сняли маски, в них не было нужды, а вот Мосс не стал. Пришедший его не знал, и Артур не спешил раскрывать свою личность.

— Мундир жандарма, — отметил я.

— Что поделывать, сэр. Виновен, — с усмешкой произнес Маклиди, осторожно присаживаясь и кладя руки на колени.

— Как ты нас нашел? — Я сел напротив, Юэн остался стоять в коридоре и пистолет убирать не спешил.

— Довольно просто, мистер Хеллмонк. У нас наблюдательный пункт в доме напротив, и конечно же от нашего внимания не укрылось, что кто-то заглянул в квартиру, где мой наниматель иногда обсуждает дела с господином Рэком. К которому, как я понимаю, вы пришли без приглашения.

Значит, у Уитфорда какие-то дела с Рэком. Нет, конечно, ничего странного, что аристократ и чиновник из Министерства вод общается с кем-то из тайной полиции, но отчего такое происходит столь секретно? И как это связано с тем, что Уитфорд одновременно ведет какую-то игру с Вилли, человеком, который спит и видит, как устроить в Риерте революцию и сместить дукса?

— Вы следите за Рэком?

— Скорее время от времени обеспечиваем безопасность квартиры, которую иногда используют в качестве... — Он задумался, подбирая слово. — Места для переговоров. Я узнал Кроуфорда и вас, так что мы не стали предпринимать никаких действий. Я просто позволил своему нанимателю.

Я отметил, что он достаточно умен, чтобы не называть имя Уитфорда публично, особенно когда рядом Мосс — человек для Маклиди незнакомый.

— Он был бы очень благодарен вам, если бы вы оказали любезность и покинули квартиру. А также забыли о Ричарде Рэке и не причиняли ему вреда. Этот человек полезен, и мой наниматель был бы очень опечален, если бы с ним произошла какая-нибудь досадная случайность.

— «Досадная случайность»? — переспросил Кроуфорд.

— Так и есть. Там, где появляются такие, как мы с тобой, иногда происходят досадные случайности.

— Хорошо, — вздохнул я. — С вежливостью покончим и перейдем к угрозам.

— Угрозам, мистер Хеллмонк? — не понял меня Маклиди. — А... Вы о том, что будет, если начнете упрячиться? Поверьте — равным счетом ничего. Во всяком случае, ни я, ни мой напарник не получали от нашего нанимателя никаких распоряжений на этот счет. Просто ваше возможное упорство усложнит моему нанимателю жизнь и дальнейшие проекты.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЗЕРЦАТЕЛЬ	7
ТЕНЬ ИНГЕНИУМА	273